

Sawer Dekoder

Граница я

Sawer Dekoder

Граница я

«Автор»

2026

Dekoder S.

Граница я / S. Dekoder — «Автор», 2026

Вначале была мысль, мысль осознала себя и создала материю. Материя породила движение не в направление, а в первичное состояние, - так родилось время. Из этого цикла родилась реальность. Как были созданы иные реальности - неизвестно, но они пришли, чтобы поглотить наш мир.

© Dekoder S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Sawer Dekoder

Граница я

Глава 0.

Энтропия чужих снов

Материя никогда не хотела быть камнем, плотью или железом; материя была лишь усталой, свернувшейся мыслью, которая отчаянно стремилась забыть саму себя и вернуться в блаженное небытие.

Когда Ал впервые зафиксировал эту флуктуацию на субквантовом интерферометре в полуподвальной университетской лаборатории, он не почувствовал триумфа первооткрывателя. Ему было двадцать два года — возраст, когда сверстники спорят о перспективах венчурных фондов, пишут код для беспилотников или просто пьют дешевый сидр на набережной, глядя на закат над бетонными спальными кварталами. Ал же смотрел на монитор, где рябь фундаментального фона вела себя не как статистический шум, а как угасающий импульс воли. Стрелка часов не двигала время вперед. Само явление времени оказалось колоссальным, вселенским вздохом облегчения: вещество распадалось, атомы теряли связи, радиоактивные элементы испускали кванты лишь ради одного — сбросить форму, перестать быть осязаемым грузом и снова обратиться в чистую, бесплотную мысль, чтобы переродиться вновь более твердой. Небытие не являлось пустотой; оно было исходной мыслью, пребывающей в совершенном покое, до следующего витка перерождения, медленно раскручивающаяся спираль.

Реальность треснула перед его глазами, обнажив свою изнанку. Физический мир представлял собой лишь одну сторону невероятно тонкой мембраны, стеклянную плоскость, за которой лежал зеркальный слой — пространство духов, чистых эманаций, смыслов без оболочек, корневого опыта что не стирался даже в великом ничто. Но чем глубже Ал погружался в математический аппарат своего открытия, тем очевиднее становилось: стекло не имеет двух сторон. Реальность была не листом бумаги и не монетой, а гранью колоссального, многомерного многогранника, чьи остальные плоскости касались совершенно иных порядков творения.

Ал не стал прятать выкладки в стол. Он был слишком честен и наивен той особенной юношеской наивностью, которая искренне верит в силу просвещения. Он опубликовал препринт, выступил на открытой кафедре теоретической физики, выложил данные в открытые репозитории, даже написал короткий рассказ об этом. Академическое сообщество поначалу встретило работу с вежливым скепсисом, перешедшим в ошеломление, когда лаборатории в Швейцарии и Японии повторили калибровку его датчиков.

Однако реакция общества оказалась куда более странной и тревожной, чем научные дебаты. Люди вокруг не ударились в панику, не вышли на улицы с транспарантами о конце света. Напротив, в воздухе повисла тяжелая, душная предрассветная тишина. Это было ощущение надвигающейся грозы, когда небо на горизонте уже налилось лиловым свинцом, листья деревьев замерли, птицы замолкли, но дождь еще не упал ни единой каплей. Люди в метро стали тише переговариваться, вглядываясь в экраны смартфонов с непонятной тоской; в кофейнях молодые специалисты обсуждали статьи Ала не с ужасом, а с затаенным, сосущим страхом перед будущим, которое внезапно перестало быть предсказуемой траекторией «школа — диплом — ипотека — пенсия».

Ал шел по вечернему бульвару, кутаясь в тонкое демисезонное пальто. Его догнала Марта — аспирантка с факультета социологии, с которой они делили подоконники в библиотеке еще с первого курса. Ее рыжие волосы выбивались из-под вязаной шапки, а в глазах стояло то самое

новое выражение, которое Ал теперь замечал у каждого второго прохожего: зыбкое ожидание неизбежного перелома.

> Ты понимаешь, что ты наделал, Ал? Твои уравнения... они не просто объясняют физику. Они лишают людей фундамента. Если каждый атом стремится стать мыслью, значит, наше существование — это просто затянувшаяся ошибка концентрации?

Ал остановился у чугунной ограды сквера, глядя на тусклые фонари, дрожащие в сыром осеннем тумане.

> Это не ошибка, Марта. Это термодинамика сознания. Первоначальный импульс, первая мысль породила тяжесть бытия, для укрепления собственной структуры в цикле перерождений. Но хуже другое. Я пошел дальше распада. Я построил топологию соседних граней. Наш мир — лишь один отсек, жесткий, подчиненный закону неизбежного угасания и возвращения. Но есть грани, где материя податлива, словно разогретый воск. Миры, где воля способна зажигать пламя без искры, сгущать воду из сухого воздуха, искривлять пространство одним желанием.

Марта нервно усмехнулась, спрятав озябшие руки в карманы куртки.

> Ты говоришь о магии. Физик года рассуждает о волшебных палочках. Знаешь, сколько сетевых культов уже открылось за эту неделю? Люди покупают свечи, пытаются медитировать на твои формулы. Всем хочется верить, что завтра они проснутся и смогут исцелять болезни щелчком пальцев. Они боятся твоего открытия, но этот страх превращается в жадность.

> В этом и кроется катастрофа, — глухо ответил Ал, глядя сквозь нее, в пустоту межзвездного вакуума, который внезапно стал для него прозрачным. — Равновесие едино для всех граней. Когда разум оканчивает путь в мире магии, он растворяется в великом ничто, чтобы переродиться вновь. Но мембраны вибрируют. Цикл дает сбой. Души тех, иных существ, падают сквозь грани и рождаются здесь. В телах обычных человеческих младенцев.

Они медленно пошли дальше по мокрому асфальту. Ал слушал глухой гул мегаполиса: стук колес трамвая, далекий вой сирены, шелест шин. Все эти привычные звуки индустриальной цивилизации казались теперь тонкой скорлупой, под которой уже поднималось чужое, нездешнее пламя.

> Представь себе ребенка, — продолжал Ал, жестикулируя тонкой рукой с побелевшими от холода пальцами. — Он рождается в обычной хрущевке или спальном районе новостроек. У него нет памяти, нет имен, нет чужих заклинаний. Но в глубине его естества, в самой структуре его духа выжжен навык повелевать стихиями. Он растет, пробует изменить мир усилием воли — и натывается на абсолютную глухоту наших законов сохранения. Наш мир железобетонный, здесь нельзя родить огонь из ничего. И что с ним происходит?

> Он сходит с ума? — тихо спросила Марта.

> Нет. Он начинает писать. Он пишет романы в жанре фэнтези. Он рисует комиксы, сценарии для видеоигр, сказки, сериалы. Он думает, что это воображение, муза, вдохновение. Но на самом деле это фантомная боль оторванной конечности. Его дух кричит о мире, где он был всемогущ. И самое страшное начинается потом, когда он становится по настоящему популярным и эти книги попадают в руки миллионам.

Ал подошел к витрине книжного магазина. За стеклом ровными рядами стояли яркие тома: драконы, пылающие мечи, фигуры в капюшонах, титаны в обтягивающих трико, разрывающие кулаками небоскребы. У витрины стояли двое подростков, оживленно листая иллюстрированные страницы.

> Миллионы людей читают это, — произнес Ал, и его голос дрогнул от сдерживаемой горечи. — Они устали от серости, от бессмысленной работы в офисах, от кредитов, от неизбежности старения и смерти. Но я пока что единственный кто понимал что это истинный закон нашей реальности, чтобы мир стал лучше - нужно делать его лучше. Нужно совершить любое небольшое действие, пусть даже тебе будет казаться что оно не важно, история поймёт кто был

важен и с кого началась новая эра. Сделай один шаг, уйди в перерождение и стань винтиком в великом механизме. Они же, закрывают глаза и всем существом жаждут, чтобы магия была реальной, быстрая сила, желательна сейчас. Их коллективное сознание превращается в колоссальный фокусирующий прожектор. Вера — это не метафора, Марта. Вектор мысли направляет материю. Люди здесь, сами того не понимая, тянут чужую грань на себя.

Марта посмотрела на неоновую вывеску магазина, ее лицо в синеватом свете казалось болезненно бледным.

> Ты хочешь сказать... миры сближаются?

> Они уже прорастают друг в друга, — Ал коснулся витринного стекла, словно проверяя его на прочность. — Когда грань магии соприкасается с нашей, она не приносит спасения. Она растворяет наш базис. Происходит колоссальная космическая экспансия под аплодисменты жертв. Чем сильнее мы верим в их сказки, тем больше чужих душ воплощается здесь, вытесняя коренные человеческие сознания. В роддомах все меньше рождается людей нашего физического мира и всё больше мечтателей. Нас просто замещают. А общество радуется: посмотри, мол, как расцвела массовая культура, какие удивительные сюжеты рождаются у авторов! Это не культура, Марта. Это десантная операция, которую мы оплачиваем собственной реальностью.

Через несколько недель научный центр, где работал Ал, превратился в осажденную крепость. Но осаждали его не военные. В коридорах толпились журналисты, блогеры, молодые интеллектуалы и странные люди с лихорадочным блеском в глазах. Все хотели знать практическое применение теории мыслематерии. Если мир состоит из застывшей мысли, можно ли научиться управлять распадом? Можно ли усилием воли излечить опухоль или повернуть вспять старение?

На открытой лекции в главном амфитеатре университета яблоку негде было упасть. Студенты сидели на ступеньках, слушатели жались вдоль стен. Воздух был спертым, пахло мокрой шерстью пальто и дешевым кофе из автоматов. На огромной меловой доске за спиной Ала были начерчены сложнейшие тензорные диаграммы, но аудитория ждала не формул. В зале звенело то самое предгрозовое напряжение: люди чувствовали, что привычный порядок трещит по швам, но вместо того чтобы укреплять стены, они жаждали увидеть, как рухнет крыша.

К микрофону в проходе пробился мужчина лет сорока — преподаватель кафедры философии, известный своими статьями о постмодернизме.

> Господин Ал, — начал он с легкой снисходительной усмешкой, за которой пряталась дрожь в пальцах, державших блокнот. — Допустим, ваша математическая модель верна, и мы действительно наблюдаем конвергенцию пространств через информационные потоки. Но разве это плохо? Разве освобождение человека от оков жесткого материализма — не вековая мечта человечества? Если к нам придет магия, если физические законы станут гибкими, мы победим дефицит ресурсов, победим саму смерть! Почему вы говорите об этом как об угрозе?

Ал подошел к краю кафедры. Его черный свитер с закатанными рукавами подчеркивал худобу, но взгляд был прямым и пугающе тяжелым для двадцатидвухлетнего парня.

> Потому что вы путаете свободу с колонизацией, профессор. Вы смотрите на фаербол в руках волшебника и видите чудо. Я смотрю на него и вижу разрушение фундаментальной константы нашего мира. Наш мир был создан стабильным именно для того, чтобы сознание могло развиваться в условиях предсказуемой причинно-следственной связи. Когда сюда хлынет чужая реальность, исчезнет не бедность. Исчезнем мы.

В зале зашумели. С задних рядов поднялся молодой парень в толстовке с капюшоном, его глаза горели фанатичным огнем.

> Но есть ведь не только магия! — выкрикнул он, перебивая ропот аудитории. — Вы сами упоминали в своём рассказе о мирах внутренней силы! О тех пространствах, где изменения происходят не во внешней среде, а в самой биологии! Где люди обладают прочностью титана, скоростью молнии, способностью летать! Супергерои — это не просто сказки, это следующий

шаг эволюции! Почему мы должны держаться за нашу немощную плоть, если можно стать богами?

Ал молча смотрел на него несколько секунд, и шум в амфитеатре постепенно стих под тяжестью этого взгляда.

> Миры внутренней силы... — произнес Ал негромко, но акустика зала разнесла его слова до самого дальнего угла. — Они еще безжалостнее, юноша. Вы читаете комиксы о героях, которые спасают города, пробивая кулаками гранит и стреляя фотонными лучами из глаз. Вы думаете, это апофеоз человеческого духа? В их родных мирах эти сущности разорвали баланс в клочья. Вы считаете что все вокруг праведники и получив невероятные силы все кинуться защищать слабых? Не будьте наивны, миры силы порождают не супергероев, а суперзлодеев. Их души, попадая к нам, тоже не помнят себя. Они рисуют графические романы, режиссируют блокбастеры с девятизначными бюджетами, внушая вам сладкую ложь: достаточно случайного укуса паука, вспышки радиации или генетической мутации — и ты станешь избранным, - честным и справедливым. Детская наивность, завёрнутая в плащ слепой веры в человечество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.